УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-333-341

«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ ПРО ДЕНЬ ... БОРОДИНО», ИЛИ ПОЧЕМУ ПЕРЕСТАЮТ СКЛОНЯТЬСЯ ТОПОНИМЫ НА -ИНО, -ОВО

Федосюк М. Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация. С опорой на материалы Национального корпуса русского языка показано, что тенденция русского языка последних десятилетий к утрате склонения у топонимов среднего рода, оканчивающихся на -ино, -ово, является следствием усиления внутренней миграции населения России. В результате миграции участились ситуации общения людей, располагающих неодинаковыми фоновыми знаниями, что ведёт к развитию аналитизма, и в частности к утрате склонения существительными типа *Пушкино* или *Измайлово*. Дело в том, что только употребление несклоняемых форм этих топонимов даёт неосведомлённым адресатам возможность определить, что подобные топонимы являются существительными среднего, а не мужского рода, т. е. что речь, например, идёт о населённом пункте *Пушкино*, а не *Пушкин*.

Ключевые слова: топонимы на -ино, -ово, несклоняемые существительные, аналитизм, неоднородный языковой коллектив, омонимия падежных форм

«NEDAROM POMNIT VSYA ROSSIYA PRO DEN' ... BORODINO», OR WHY TOPONYMS ENDING ON -INO, -OVO STOP TO BE DECLINED

M. Fedosyuk

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation

Abstract. On the basis of the National Corpus of the Russian language, it is shown that the current trend of modern Russian to loose of declension of toponyms of the neuter gender, ending on -ino, -ovo, is a consequence of the increased internal migration of the Russian population. As a result of migration, cases of communication among people with unequal background knowledge have become frequent, which leads to the development of analyticism, and in particular, to the loss of declension of nouns like *Pushkino* or *Izmailovo*. The fact is that only the use of indeclinable forms of these toponyms gives uninformed addressees the opportunity to determine that such toponyms are nouns of the neuter, and not of the masculine gender, for example, that it is mentioned a town called *Pushkino*, not *Pushkin*.

Keywords: toponyms on -ino, -ovo, indeclinable nouns, analyticism, heterogeneous language community, homonymy of case forms

Нужно ли говорить, что в предваряющей этот текст цитате из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» допущена намеренная ошибка? Назначение этой ошибки – проиллюстрировать одну из особенностей узуса русского языка наших дней, в котором «существительные, оканчивающиеся на морфемы -ин(о),

-ов(о) (географические названия *Тушино*, *Шереметьево* и под.), в прошедшие десятилетия интенсивно прошли путь развития в направлении несклоняемости, т. е. аналитизма» [6, с. 330–331]. Целью данной статьи является попытка определить причины и вероятный ход дальнейшего развития этого явления.

Наиболее часто объяснение тенденции к несклоняемости топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)* формулируется так: «Неизменяемость данных слов представляет собой яркий пример вмешательства внешних факторов в эволюцию языка, даже такого его специфически структурного элемента, каким является система склонения. Сильным толчком к употреблению этих слов в качестве неизменяемых явились, несомненно, издававшиеся в военное время приказы, которые запрещали изменять в донесениях и других документах исходную форму названий населённых пунктов, чтобы не смешивались близкие по звуковому составу слова, ср.: *Разин – Разино, Ефремов – Ефремово, Пушкин – Пушкино, Киров – Кирово* и т. д.» [13, с. 56–57].

В ряде работ в качестве ещё одной причины данного явления называют влияние, которое оказывает на узус, профессиональная речь географов и топографов [3, с. 237; 4, с. 236; 5, с. 140; 8, с. 180]. Однако подобным объяснениям серьёзно противоречит тот факт, что употребление топонимов рассматриваемого типа как несклоняемых в значительной степени свойственно младшему поколению носителей русского языка [3, с. 237; 13, с. 59], т. е. людям, на речь которых едва ли могли повлиять официальные сводки времён Великой Отечественной войны и которые вряд ли часто сталкивались с профессиональной речью географов и топографов.

Как отмечает М. Я. Гловинская, «русские по происхождению топонимы с финалями *-ово*, *-ево*, *-ино*, *-ыно* типа *Воронцово, Шереметьево, Тушино, Царицыно* стали переходить в разряд неизменяемых существительных в советскую эпоху. В 60-е годы XX в. люди старшего поколения их ещё склоняли, сознательно отталкивая новую норму, широко распространившуюся в печати и устной речи» [3, с. 237].

Ещё одно объяснение рассматриваемого явления носит максимально общий характер и сводится к тому, что одной из тенденций грамматического развития современного русского языка является его стремление к аналитизму. Различными

проявлениями этой тенденции являются смысловое согласование подлежащих и сказуемых в предложениях типа *Врач пришла; Экскурсовод рассказывала*, рост количества двувидовых глаголов, заметное увеличение числа несклоняемых заимствованных существительных (*бюро, депо, такси, бра*) и прилагательных (*цвет беж, стиль барокко, вес брутто, час пик*), утрата склонения фамилиями украинского происхождения на *-ко*, *-енко* (*Кривко, Родзянко, Шевченко, Маслаченко*) и т. д. [2, с. 158; 13, с. 9–18].

Однако такое объяснение вызывает вопрос о том, по каким причинам начиная с первых десятилетий минувшего века в русском языке стал развиваться аналитизм. В лингвистике XX века к этим причинам, как правило, подходили с позиций структурализма, объясняя их как стихийные и непредсказуемые внутренние перестройки в структуре языка. В коллективной монографии «Русский язык и советское общество» читаем:

«В чём же тогда причина колебаний грамматического строя (в разных языках) между полюсами “синтезизм – аналитизм”?

Эти колебания отражают антиномию “код – текст”. При переходе от синтетических к аналитическим конструкциям уменьшается набор различных грамматических единиц и увеличивается объём того текста, на протяжении которого выражаются значения, ранее передаваемые внутри слова. Примеры общеизвестны; наиболее простые – это перевод русского слова типа *медведица* английскими *bear – she*, т. е. сочетанием слов (полнозначного с частицей)¹. Набор словесных знаков для передачи понятий *медведь – медведица, лис – лисица, заяц – зайчиха* и т. п. в английском языке меньше, чем в русском, но число единиц, нужных для обозначения этих единиц в тексте, – больше, чем в русском (два слова, а не одно). ... Итак, переход к большему аналитизму связан с разрешением антиномии “код – текст” для многих участков грамматической системы в пользу текста» [13, с. 14].

¹ Имеется в виду английский эквивалент русского слова *медведица* – *she-bear*. – М. Ф.

И далее: «Как уже сказано, внутренние антиномии языка не имеют одного раз навсегда данного разрешения: нет никаких причин считать, что движение к аналитизму в русском языке будет продолжаться до тех пор, пока он не станет единственной для этого языка системой выражения грамматических значений. Напротив: можно предполагать, что в будущем, в известный период, грамматическое развитие повернёт в противоположную сторону. Это будет определяться, может быть, перенасыщенностью текстов аналитическими единицами или какими-либо другими причинами, о которых сейчас судить нельзя» [13, с. 14].

Гораздо более убедительной представляется высказанная ещё в начале XIX века точка зрения основоположников сравнительно-исторического метода, которые объясняли развитие аналитизма не структурными, а социальными причинами – функционированием языка в условиях смешанного языкового коллектива. Так, Расмус Раск писал: «Грамматические соответствия являются гораздо более надёжным признаком родства или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет свои собственные. Так, например, английский язык не перенял форм склонения и спряжения у скандинавского или французского, но, напротив, потерял многие древние англосаксонские флексии» [12, с. 41–42].

Мысль Р. Раска и его современников о причинах возникновения аналитизма, получила своё подтверждение и развитие уже в наши дни в трудах Г. П. Мельникова по системной типологии языков и в работах его учеников.

«Рассмотрение языковой карты мира, – пишет один из последователей Г. П. Мельникова А. А. Поликарпов, – обнаруживает, что областям, замкнутым в экономическом и этнолингвистическом отношении, соответствуют, как правило,

языки довольно сложного, синтетического грамматического устройства (многие кавказские, сибирские, индейские языки). Наоборот, в областях, в которых давно интенсивно осуществляются процессы этнохозяйственной языковой интеграции народов, языки приобретают ярко выраженное аналитическое устройство (многие европейские языки, языки Юго-Восточной Азии и т. д.)» [11, с. 45].

Длительное функционирование смешанных языковых коллективов, по наблюдениям Г. П. Мельникова, в конечном итоге способно приводить к переходу от аналитизма к корнеизоляции. «Тенденции к корнеизоляции, – читаем мы у Г. П. Мельникова, – как было замечено ещё основоположниками компаративистики, наиболее сильны в периоды формирования новых наций и культур в процессе *смешения* представителей многих языков и народов. В этих условиях резко сужается исходный объём социального, общеизвестного знания; сужается та традиционная сфера содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращается объём общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим. Всё это приводит к потребности предельно *полифункционально* использовать те знаки, на известность которых слушающему может рассчитывать говорящий. Полифункциональность знаков – это прежде всего их парадигматическая и синтагматическая *полисемичность*, для решения которой приходится увеличивать информационную нагрузку на контекст, на распределение функции выражения *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, на использование этих же единиц для уточнения синтагматических, когноминативных отношений между называемыми смыслами, что, в частности, связано с выработкой определённых *позиционных* ограничений на порядок следования называемых *смыслов* в высказывании

(обычно это трактуется как требование фиксированного «порядка слов») и с тенденцией предельной неизменчивости звукового облика используемых знаков» [10, с. 123; ср. 9]¹.

Однако всегда ли толчком к развитию языка в направлении аналитизма является смешение разных языков и народов? Представляется, что к аналогичному результату могут привести и некоторые другие причины. Среди них следует прежде всего упомянуть усиление внутренней миграции носителей одного и того же языка, способное повлечь за собой увеличение числа таких коммуникативных ситуаций, когда отправитель и адресат, выходяцы из разных регионов страны, обладают недостаточным фондом общих знаний. В России подобная миграция началась на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими, и увеличилась после революции 1917 г. В этом отношении очень интересна та глава книги А. М. Селищева «Язык революционной эпохи», где автор описывает элементы разных диалектов русского языка, сохранившиеся в речи рабочих московских заводов и фабрик [14, с. 198–209].

Другая причина развития аналитизма, которая была характерна для России на протяжении всего XX и сохраняется в XXI веке, – это характер культурной ситуации в стране, обуславливающий широкое употребление в письменных и устных текстах, во-первых, лексических заимствований [7; 14], во-вторых, буквенных аббревиатур типа СССР [1; 17] и, наконец, в-третьих, слов, ранее имевших ограниченную сферу употребления. Значительное количество подобных слов и создаёт условия для того, чтобы некоторые из них становились несклоняемыми.

Учитывая сказанное, представляется, что гораздо естественнее связать появившуюся во второй половине XX в.

тенденцию к развитию несклоняемости топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)* с двумя проходившими в XX в. процессами: вначале с увеличением вследствие интенсивной внутренней миграции населения числа разнородных по своему происхождению и фоновым знаниям участников речевого общения, а впоследствии с существенным повышением роли СМИ, употребляющих в частности и малоизвестные многим носителям русского языка слова².

В начале XX века круг общающихся был гораздо уже и однороднее по фонду общих знаний. Так, жители Москвы хорошо знали о существовании парков Останкино, Царицыно и Куское. Поэтому, произнося фразы *Сегодня мы всей семьей гуляли по Останкину* или *Не могу не восхищаться осенним Куковым*, они не опасались, что их собеседники воспримут только что упомянутые топонимы как существительные мужского рода *Останкин* и *Куков*.

Однако впоследствии под влиянием двух упомянутых выше факторов в русской речи стали широко встречаться такие топонимы на *-ино*, *-ово*, которые были неизвестны большинству адресатов. Представьте себе, что, рассказывая о себе, ваш новый сотрудник скажет: *Я родом из Тамбовской области: родился в Кирсанове, а детство провёл в Рассказове*. Не многие поймут, что в этой фразе упомянуты топонимы двух разных грамматических родов: названия города Кирсанов (м. р.) и города Рассказово (ср. р.). Естественно, что во избежание недоразумений говорящий, скорее всего, либо добавит к каждому из упомянутых топонимов слово *город* (*Я родился в городе Кирсанов, а детство провёл в городе Рассказово*), либо, опуская слово *город*, произнесёт существительное среднего рода *Рассказово* в форме именительного

¹ Также см.: Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 11–12.

² См.: Федосюк М. Ю. Развитие презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата как ведущая тенденция эволюции стилей русской речи XX века // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка (Материалы научно-методической конференции, проходившей 27–28 мая 1998 г. в Варшаве). Вып. V. Варшава: Российский центр науки и культуры в Варшаве, 1998. С. 175–182.

падежа (*Я родился в Кирсанове, а детство провёл в Рассказово*).

Как видим, неизменяемость по падежам слов типа *Рассказово* стала использоваться как средство обозначения среднего рода подобных топонимов, хотя, разумеется, в употреблении форм *в Рассказово / в Рассказове* в настоящее время наблюдаются колебания. Можно предположить, что, упоминая те топонимы на *-ино, -ово*, которые, с точки зрения отправителя сообщения, обозначают известные его адресатам объекты, этот отправитель скорее всего употребит данные топонимы в склоняемой форме, а при вероятной, с его точки зрения, неизвестности объектов использует их обозначения в именительном падеже. Во всяком случае такой вывод можно сделать из следующего наблюдения М. Я. Гловинской: «Похоже, что экспансия несклоняемости в этой группе слов на рубеже веков приостановилась. Например, сейчас в разговорной речи широко распространено произношение *в Строгине*. Именно так говорят жители самого этого района (ср. *У нас в Строгине; – Вы где живёте? – В Строгине*), хотя и не только они. Ср., например, *Жители Строгина дошли до реализации путинской идеи не от хорошей жизни* (МК, 20.04.2005). В то же время вполне типична и несклоняемая форма; ср. *Они получили квартиру в Строгино*» [3, с. 239]. Обратим внимание на то, что употребление формы *в Строгине*, по наблюдениям М. Я. Гловинской, характерно для хорошо осведомлённых жителей этого района, а сообщение *Они получили квартиру в Строгино*, по всей вероятности, могло быть адресовано человеку, который в этом районе не живёт.

Впрочем, в наши дни несклоняемость топонимов на *-ино, -ово* как показатель их принадлежности к среднему роду всё шире начинает употребляться и при обозначении широко известных топонимов, таких как *Бородино*; ср. следующие примеры из Национального корпуса русского языка:

В контексте Р. п.: *Пуля, пробившая голову Кутузову, может быть, и сделала его таким апатичным да спокойным. Не до*

боевистости ему было после этого. Он ведь и умер вскоре после Бородино – всего через полгода [Валерий Лебедев. Умно-ленивый полководец Кутузов (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14].

В контексте Д. п.: *После рождения Александра Мария сделает всё, чтобы добиться развода с Анастасием Колонна-Валевским, и 24 августа 1812 года (в тот день Наполеон в России подойдёт к Бородино) их брак будет официально расторгнут* [Николай Троицкий. Польская жена Наполеона I, или Один из самых знаменитых романов в мировой истории // «Знание – сила», 2012].

В контексте Т. п.: *Буквально каждое действие Кутузова в 1812 году – будь то оставление Москвы, выбор позиции под Бородино, Тарутинская операция, сражение под Вязмой – в литературе подвёргнуто критике* [Спаситель Отечества // «Родина», 1995].

В контексте П. п.: *Далее воспитанники проследовали поездом до Москвы и посетили священные для каждого воина места сражений при Бородино, Малоярославце и Вязме* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)].

Однако норма употребления топонимов типа *Бородино* ещё не установилась, поэтому наряду с несклоняемыми формами типа *после Бородино* широко встречаются и склоняемые формы типа *после Бородина*, например:

Р. п.: *Наполеона после Бородина все убеждали, что он победил. И сам он так считал* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].

Д. п.: *И армия, которую повёл Кутузов к Бородину, была достойна своего вождя* [Е. В. Тарле. Бородино (1952)]. (К сожалению, более поздних по времени употреблений склоняемых форм дательного падежа Национальный корпус русского языка не выдаёт).

Т. п.: *Тяжёлая рана, полученная под Бородином, выбила из седла любимца русской армии и, по мнению Наполеона, самого талантливого из российских вое-*

начальников – Петра Багратиона [Елена Сьянова. Пленники судьбы // «Знание – сила», 2008].

П. п.: Достаточно вспомнить Петра Ивановича Багратиона, смертельно раненного в битве при Бородине [Павел Сиркес. Труба исхода (1990–1999)].

На первый взгляд может показаться, что в современной речи несклоняемые формы топонимов на *-ин(о), -ов(о)* способны широко употребляться лишь в сочетании в предложениях, т. е. в тех контекстах, где информация о падеже данного топонима оказывается переданной посредством предлога. Иными словами, кажется, что мы с большой долей вероятности можем ожидать от нашего собеседника сообщений типа *Я хотел бы побывать в Бородино*, тогда как высказывания типа *Меня восхищил пейзаж Бородино* маловероятны. Однако материалы Национального корпуса русского языка опровергают это предположение.

Как показывает корпус, несклоняемые топонимы среднего рода достаточно часто встречаются и в позиции зависимых компонентов субстантивных словосочетаний, например:

На этот раз избранником Марии стал двоюродный брат Наполеона (!), граф, дивизионный генерал и будущий (при Наполеоне III) маршал Франции, герой Аустерлица и Бородино Филипп Антуан Орнано (1784–1863) [Николай Троицкий. Польская жена Наполеона I, или Один из самых знаменитых романов в мировой истории // «Знание – сила», 2012]; *А ведь во время второй мировой в Европе проживало раза в 4–5 больше населения, чем в 1812 году (например, в огромной России в 1812 году имелось всего 25 миллионов), так что для соблюдения пропорции цифру потерь Бородино для нашего времени стоило бы увеличить до полумиллиона* [Валерий Лебедев. Умно-ленивый полководец Кутузов // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14]; *По данным Шереметьево, в 2009 году зафиксировано десять столкновений самолётов с птицами, однако с начала 2010 года их стало уже 21* [Сергей

Колобков. В Шереметьево прикроют свалку (2010.08.18) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/industry/503243.shtml>, 2010]; *Нужна глобальная энциклопедия конструктивизма Москвы и хотя бы Подмосковья. А не то все эти прямые углы, разлётные балконы и пирамидальное величие кубизма канет, как когда-то канули барачные застройки Измайлово и Останкино* [Александр Иличевский. Сдать Москву Родине // «Знание – сила», 2008]; *Что касается действительно благополучных районов, то, как считает Алексей Курбатов, генеральный директор НИиПИ экологии города, самый лучший в Москве, на порядок опережающий все остальные, – это Куркино. Он не только находится на западе, но и расположен за МКАД, вдобавок в нём используются щадящие природу технологии застройки. В этом уникальность Куркино, и именно поэтому он лучше других конкурентов, например, Новопеределкино* [Квартира по компасу (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.04.15].

Впрочем, не менее часто в рассматриваемой позиции встречаются и склоняемые формы топонимов: *Рядом с повеселевшим хозяином сидели двое – лесник с лешачьей бородой и завязанным горлом (угостили из кустов утиной дробью) и бравый, весь в кудельках усач бригадир со строительства. Все они уже выпили и глядели орлами. «Так-таки-так» – чеканили дряхлые жестяные часики с огненным видом Бородина, «Так-таки-так» – и этот стрёкот успокаивал больше всего* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]; *Но президент Касьянова пощадил. Видимо, понимая, что даже мелкие подвиги премьера вроде планов бесконкурсной сдачи «Шереметьева» в аренду «Альфе» меркнут перед поистине наполеоновскими планами желающих послужить президенту* [Юлия Латынина. Мы увидели двойника президента // «Новая газета», 2003.01.30]; *«Можайское шоссе с обходом Одицова» (так в рабочем варианте зовётся проектируемая дорога) пересечёт трассу Москва–Минск у развязки со старой Можайкой, обогнёт Одицово с севера*

и, пройдя недалеко от элитных коттеджных посёлков у сёл Власиха и Лапино, соединится с Можайским шоссе у моста через речку Медвенку [Дмитрий Анохин. Почём выезд из Москвы? // «Вечерняя Москва», 2002.04.11]; *Вася был запросто вхож на дачи Переделкина, а также в рублёвско-новорижские особняки Минобороны, Минюста и Газнефтепрома – и у вершителей судеб мира сего есть жёны, любовницы и дочери, коим время от времени требуется хороший акушер-гинеколог. Акушером-гинеколом Василий Илларионович Остерман был великолепным* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].

Несмотря на то что автор этих строк, как представитель старшего поколения, не испытывает никаких симпатий к несклоняемым формам топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)*, он вынужден высказать предположение, что в будущем эти формы постепенно вытеснят склоняемые формы. Аргументом в пользу такого прогноза может служить, прежде всего, то обстоятельство, что именно несклоняемые формы характерны для речи представителей младшего поколения. Кроме того, как показывают материалы Национального корпуса русского языка, несклоняемые формы топонимов гораздо чаще встречаются в журнально-газетных текстах, тогда как для художественных текстов более характерны формы склоняемые. Однако известно, что именно журнально-газетные тексты значительно раньше, чем тексты художественные, отражают новые тенденции в развитии языка. Наконец, самый главный аргумент состоит в том, что употребление несклоняемых форм важно для языка, поскольку снимает грамматическую неоднозначность: конструкция *в Рассказово* однозначно информирует о том, что начальная форма данного топонима – *Рассказово*, а не *Рассказов*, тогда как конструкция *в Рассказове* такой информации не несёт.

Процесс замены склоняемых форм топонимов среднего рода на *-ово*, *-ино* несклоняемыми формами имеет очевидное сходство с длительным процессом развития в русском языке грамматической категории одушевлённости. Поскольку

исконные древнерусские конструкции типа *Отць любить сынъ* были неоднозначными (неясно, отец или сын является в данном случае субъектом состояния), то для обозначения одушевлённого объекта стали использоваться формы, омонимичные родительному падежу (*Отць любить сына*). При этом, как известно, вначале к категории одушевлённости стали относиться не все существительные, именовавшие людей и животных, а лишь обозначения свободных взрослых мужчин, позднее – наименования любых взрослых мужчин, затем также обозначения женщин и лишь после этого ещё и названия детей и животных [15, с. 125–127]. Однако на этом процесс не остановился. Ближе к нашему времени к категории одушевлённости постепенно стали относиться и наименования таких неживых предметов, которые обладают способностью проявлять активность, т. е. выступать не только как объекты, но и как субъекты действий. Постепенно в категорию одушевлённости вошли наименования карточных, шахматных и бильярдных фигур (*Джокер бьёт туза; Игрок жертвует ферзя*), такие слова, как *покойник, мертвец, куклы (Девочка любит своих кукол)*, а в наши дни ещё и названия различных марок автомобилей (*«Джип» подрезал «Форда»*) [16].

Таким образом, подводя общие итоги всему сказанному, можно утверждать следующее. Процесс утраты русским языком склонения у топонимов на *-ино*, *-ово* обусловлен не влиянием приказов времён Великой Отечественной войны и не внутривидовыми факторами, а изменениями в условиях коммуникации в современном российском обществе, обусловленными увеличением его неоднородности. Поскольку этот процесс направлен на устранение омонимии падежных форм у существительных типа *в Рассказове* (П. п. от *Рассказов* или от *Рассказово*?), можно считать, что он отвечает тенденциям развития русского языка и будет продолжать своё развитие.

Статья поступила в редакцию 01.08.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Сокращённые слова в русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 346 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 185–267.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: АЙРИС-пресс, 1997. 448 с.
5. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976. 456 с.
6. Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 326–344.
7. Карцевский С. И. Язык, война и революция // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 215–266.
8. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
9. Мельников Г. П. В чём состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 13–20.
10. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
11. Поликарпов А. А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Издательство Московского университета, 1979. 162 с.
12. Раск Р. Исследования в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М.: Просвещение, 1964. С. 40–51.
13. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка / под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 368 с.
14. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Editorial URSS, Либроком, 2017. 250 с.
15. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
16. Федосюк М. Ю. Джип подрезал «форда», или Существует ли в русском языке грамматическая категория одушевлённости / неодушевлённости? // Studia z Filologii Polskiej i Słowianskiej. Vol. 51. 2016. S. 73–88.
17. Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. Наименования объектов в современной русской деловой речи с точки зрения их ориентации на восприятие адресатом // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 141–148.

REFERENCES

1. Alekseev D. I. *Sokrashchennyye slova v russkom yazyke* [The abbreviated words in the Russian language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 346 p.
2. Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremenном russkom yazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
3. Glovinskaya M. Ya. [Active processes in the grammar]. In: *Sovremennyyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of 20–21st centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. pp. 185–267.
4. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, AIRIS-press Publ., 1997. 448 p.
5. Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [The grammatical correctness of the Russian speech: Experience frequency dictionary of stylistic variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 456 p.
6. Il'ina N. E. [The increase of analytism in morphology]. In: *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. pp. 326–344.
7. Kartsevskii S. I. [Language, war and revolution]. In: *Kartsevskii S. I. Iz lingvisticheskogo naslediya* [From linguistic heritage]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. pp. 215–266.
8. Shvedova N. Yu., Lopatin V. V., eds. *Kratkaya russkaya grammatika* [A short Russian grammar]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989. 639 p.
9. Mel'nikov G. P. [Peculiarities of the Russian language and factors which determine them]. In:

- Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2012, no. 2 (40), pp. 13–20.
10. Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [Systemic typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
 11. Polikarpov A. A. *Elementy teoreticheskoi sotsiolingvistiki* [Elements of theoretical sociolinguistics]. Moscow, Moscow University Publ., 1979. 162 p.
 12. Rask R. [Studies in the Ancient North Language, or Origin of the Icelandic Language]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' I* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part I]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. pp. 40–51.
 13. Panov M. V., ed. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Russian language and Soviet society: Sociological and linguistic study. The morphology and syntax of modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 368 p.
 14. Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary era. From observations over the Russian language (1917–1926)]. Moscow, Editorial URSS, Librokom Publ., 2017. 250 p.
 15. Stepanov Yu. S. *Osnovy obshchego yazykoznaniiya* [Foundations of General linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 271 p.
 16. Fedosyuk M. Yu. [Jeep cut in “ford”, or Does the grammatical category of animateness / inanimateness exist in Russian?]. In: *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*, vol. 51, 2016, pp. 73–88.
 17. Fedosyuk M. Yu., Baklanova I. I. [Naming objects in contemporary Russian business speech in respect of their relation to the perception of the addressee]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2017, no. 2, pp. 141–148.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федосюк Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Fedosyuk – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Language Studies of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день ... Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на -ино, -ово // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 333–341.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5- 333-341

FOR CITATION

Fedosyuk M. Yu. «Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den' ... Borodino», or why toponyms ending on -ino, -ovo stop to be declined. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 333–341.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5- 333-341